

Катамадзе Мария Олеговна

К ПРОБЛЕМЕ НЕЭМОТИВНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В статье на материале современного немецкого языка поднимается проблема неэмотивности фразеологических единиц (ФЕ). Неэмотивные ФЕ противопоставляются фразеологизмам с эмоционально-экспрессивными характеристиками. К неэмотивным ФЕ относятся фразеологизмы терминологической номинации. Цель статьи – определить понятие "неэмотивный фразеологизм" и показать, что термины со связанной семантикой составляют одну из групп неэмотивных фразеологических единиц.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. I. С. 77-80. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

4. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. 440 с.
5. Amis M. Money. London: Penguin Books, 1986. 394 p.
6. Archer J. Shall We Tell the President? Coronet Books, 1991. 248 p.
7. Bolinger D. Aspects of Language. N. Y., 1975. 682 p.
8. Conrad B. Referring and Non-Referring Phrases: A Study in the Use of the Gerund and Infinitive. Copenhagen: University of Copenhagen: Akademik Forlag: Publications of the Department of English, 1982. 310 p.
9. Dixon R.M.W. A New Approach to English Grammar on Semantic Principles. Oxford: Clarendon Press, 1991. 398 p.
10. Drury A. The Hill of Summer. N. Y.: Pinnacle Books, 1985. 559 p.
11. Grisham J. A Time to Kill. N. Y.: Island Book, 1992. 515 p.
12. Hawthorne N. The House of the Seven Gables. Wordsworth Editions Limited, 1995. 227 p.
13. Holt V. The Indian Fan. N. Y.: Fawset Crest, 1989. 396 p.
14. Nastase I. Break Point. N. Y.: St. Martin's Press, 1987. 360 p.
15. Poutsma H. A. Grammar of Late Modern English. Groninger: Nordhoff, 1928. Part. 1. 539 p.
16. Sweet H. A New English Grammar Logical and Historical. Oxford, 1898. Part II. Syntax. 127 p.
17. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. Wordsworth Editions Limited, 1992. 177 p.

FORM AND STATUS OF VERBAL COMPLEMENT IN STRUCTURES WITH FUNCTORIAL PREDICATES

Kamyshanchenko Elena Anatol'evna, Ph. D. in Philology
National Research University –Belgorod State University”
kamyshanchenko@bsu.edu.ru

The author researches the form and status of verbal complement in structures with functorial predicates expressed by verbs with meaning “lack of implementation” and “insufficiency”, and tells that the analysis allows revealing the ability of verbs to be combined with impersonal forms, based on the congruence of their semantics and the categorical meaning of a corresponding form, and determining the dependence between the choice of the structure and categorical meaning of the verb.

Key words and phrases: functorial predicate; propositional predicate; bipredicate; verbal complement; categorical meaning; impersonal forms of verb.

УДК 8

Филологические науки

В статье на материале современного немецкого языка поднимается проблема неэмотивности фразеологических единиц (ФЕ). Неэмотивные ФЕ противопоставляются фразеологизмам с эмоционально-экспрессивными характеристиками. К неэмотивным ФЕ относятся фразеологизмы терминологической номинации. Цель статьи – определить понятие «неэмотивный фразеологизм» и показать, что термины со связанной семантикой составляют одну из групп неэмотивных фразеологических единиц.

Ключевые слова и фразы: эмотивность; фразеологизм; неэмотивный фразеологизм; термин; фразеологизм-термин.

Катамадзе Мария Олеговна

Московский педагогический государственный университет
m.katamadze18@gmail.com

К ПРОБЛЕМЕ НЕЭМОТИВНОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)[©]

Эмоции являются неотъемлемой частью повседневной жизни человека, результатом субъективного восприятия различной информации, с которой нам приходится сталкиваться. В. И. Шаховский называет их «одной из форм отражения мира». По мнению ученого, эмоции «отражают не предметы и явления реального мира, а отношения, в которых они находятся к человеку» [13, с. 23]. Эмоциональные отношения и состояния говорящего закрепляются в семантике языковых единиц в качестве самостоятельных микрокомпонентов и становятся кодифицированными, т.е. понятными всем носителям языка. Описывая языковую манифестацию эмоций, В. И. Шаховский оперирует понятиями «эмотивность», «эмотивный», «эмотив». Под **эмотивностью** понимается «имманентно присущее языку языковое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики» [Там же, с. 24]. Носителями эмотивной семантики являются эмотивы.

К эмотивным единицам языка большинство ученых традиционно относят фразеологизмы, которые благодаря своей образности, оценочности и стилистической окрашенности широко используются для выражения

субъективной оценки и эмоций. Проблемы эмотивной фразеологии привлекают внимание современных лингвистов [2; 4; 5; 11]. Под **фразеологизмами** мы вслед за И. И. Чернышевой понимаем **устойчивые словесные комплексы различной синтаксической структуры с уникальной связью между компонентами, значение которых возникает в результате полной или частичной семантической трансформации компонентного состава** [12, с. 180]. По типу семантической и синтаксической структуры автор разделяет класс фразеологических единиц (ФЕ) на три подкласса: фразеологические единства (phraseologische Einheiten), фразеологизмы со структурой предложения (festgeprägte Sätze), фразеологические сочетания (phraseologische Verbindungen). Первый подкласс представлен ФЕ с полностью переосмысленным компонентным составом как на синхронном, так и на диахронном уровне (*etw. an den Nagel hängen* – *перестать заниматься чем-либо*, *großer Bahnhof* – *торжественный прием*). Ко второй группе относятся пословицы и поговорки, характеризующиеся переосмысленным или обобщенным значением (*ein gebranntes Kind scheut das Feuer* – *пуганая ворона куста боится*; *wo der hinhaut, wächst kein Gras mehr* – *там, где он ударит, мокрого места не останется*). ФЕ третьего типа не имеют единого значения; только один компонент подвергается семантической трансформации и образует уникальное сочетание со вторым словом, сохраняющим свое прямое значение (*blinder Schuss* – *холостой выстрел*, *blinder Passagier* – *безбилетный пассажир на борту корабля или самолета*).

Прагматическую ценность фразеологической номинации, по мнению И. И. Чернышевой, составляет ее субъективный и образный характер. ФЕ «служат не для рационального, а для экспрессивно-оценочного, коннотативного обозначения референта» [Там же]. Однако анализ материала показывает, что не все ФЕ обладают экспрессивными характеристиками. Так, например, фразеологические сочетания *kalte Miete* (*арендная плата без учета платежей за отопление*); *kalter Schlag* (*удар молнии, который не вызвал возгорания*), несмотря на семантическую связанность одного из компонентов, выполняют нейтрально-назывную функцию. Стилистически немаркированными, как правило, являются также фразеологические единства, возникшие в результате безобразного преобразования компонентного состава. Термин «безобразное преобразование» был введен А. В. Куниным для обозначения семантических процессов, связанных с изменением объема понятия: его расширением или сужением [8, с. 81]. С сужением объема понятия А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский также связывают один из типов трансформации значения – «референциальную переинтерпретацию», при которой происходит «закрепление референции за единичным денотатом» [3, с. 38]. Примером может служить ФЕ *alternative Bewegungen*, обозначающая не просто какое-то *альтернативное направление, а молодежные объединения, выступающие против материального благополучия индустриального общества* [17]. Сюда же относятся сочетания *große Koalition* – *объединение парламентских партий, образующие правящее большинство*; *aktuelle Stunde* – *часовое совещание депутатов Бундестага по какой-либо актуальной проблеме* [Ibidem]. Итак, с одной стороны, эти словосочетания характеризуются устойчивостью и целостным значением и, следовательно, являются фразеологическими единствами. С другой стороны, **они не выражают эмоционально-оценочного отношения говорящего к объекту высказывания, а также не осуществляют образной номинации эмоций**, т.е. их нельзя считать эмотивами. Таким образом, очевиден вывод, что не все ФЕ эмотивны.

Цель нашей работы – системно описать неэмотивные ФЕ с точки зрения выполняемых ими функций, их семантики, синтаксической структуры. По этим признакам будет составлена классификация изучаемых единиц. В данной статье мы рассматриваем явление неэмотивности на примере **фразеологизмов-терминов**. Наша задача – показать, что одной из функций неэмотивных ФЕ является терминологическая номинация, и, следовательно, ФЕ-термины могут быть включены в типологию неэмотивных словосочетаний со связанной семантикой.

Фразеологизмы-термины представляют собой номинативные словосочетания терминологического характера, значение которых не равно сумме значений их компонентов. В терминоведении выделяется группа **терминов-фразеологизмов**. В. М. Лейчик отводит им особое место в ряду неоднословных терминов [9]. В. М. Сергеевна включает термины-фразеологизмы в классификацию терминологических словосочетаний по степени устойчивости и спаянности компонентов [10].

Специалисты в области терминоведения обоснованно ставят слово «термин» на первое место. Эти устойчивые сверхсловные образования относятся к ФЕ только на основании их непрозрачной семантической структуры, но сохраняют при этом функцию профессиональной номинации, что для терминоведения является доминантным признаком. Однако для нас первично понятие «**неэмотивный фразеологизм**». В этой работе мы пытаемся шире взглянуть на фразеологизм как на лингвистическое явление и показать, что ФЕ могут существовать вне сферы эмоций и субъективных оценок и, следовательно, являться неэмотивными. Неоднословные термины со связанной семантикой представляют собой только одну из групп неэмотивных фразеологизмов. Поэтому в дальнейшем мы будем использовать обозначение «**фразеологизмы-термины**». Их можно также назвать «**фразеологизмы терминологической номинации**» и тем самым подчеркнуть значимость их функции.

По сравнению с общелитературным языком терминология имеет свою специфику. По определению Л. А. Капаназде, «**термин – особая единица наименования, отличающаяся от обычного слова. Он не обладает лексическим значением, содержание термина – определение понятия, дефиниция**». Автор подчеркивает, что «термин не называет понятие, как обычное слово, а понятие ему приписывается» [7, с. 12, 21]. Термины не проходят через историческое становление, их содержание может измениться только в результате развития конкретной научной области. Главная отличительная черта этого разряда слов – систематичность, строгая зависимость единиц внутри терминологии [Там же, с. 13]. Таким образом, способность термина выполнять дефинитивную функцию обеспечивается строго отведенным ему местом в конкретной

терминосистеме, подчиненностью внутреннему порядку и изолированностью от оценок и отношений говорящего, что исключает какие-либо субъективные смыслы в содержании. Кроме того, сама функция термина не предполагает наличие коннотативного аспекта. «Так как “значение” термина – логическое определение понятия, эмоционально-экспрессивные качества ему не свойственны» [Там же, с. 16]. Что же касается метафоры, которая часто лежит в основе термина, то она не аккумулирует экспрессивность, а используется для того, чтобы, как отмечает Н. Д. Арутюнова, на основе аналогии «уловить и содержательно определить объекты высокой степени абстракции» [1, с. 12]. Функция метафоры здесь не выразительная, а словообразующая.

Так, устойчивое сочетание *gewurzelter Baum* – *дерево с корнями* в информатике и математической теории графов служит для обозначения древовидной структуры данных, в которой каждый родительский узел (*Vatersknoten*) имеет по одному потомку справа и слева – *der rechte Sohn, der linke Sohn* [16]. Очевидно, что термины *gewurzelter Baum, der rechte Sohn, der linke Sohn* возникли по аналогии с общеязыковыми понятиями *дерево, корневая система, родственные связи*, которые были преобразованы в соответствии с нуждами научной терминосистемы. Так, в общелитературном языке не существует устойчивых словосочетаний «дерево с корнями», «правый и левый сыновья», они замкнуты внутри терминологии. По семантике структуре эти термины являются фразеологическими единствами.

Следующий пример относится к политической сфере. Термин *der eiserne Vorhang* (*железный занавес, iron curtain*) обозначает полную политическую изоляцию страны, обусловленную идеологическими и политическими барьерами между данным государством и его окружением [15]. В основе этой ФЕ терминологической номинации лежит аналогия с театральным противопожарным занавесом, опускающимся между сценой и зрительным залом в случае возгорания. Изначально выражение использовалось в связи с событиями первой мировой войны. Например, рейхсканцлер Германской империи Теобальд фон Бетман-Гольвег в 1916 году писал о недопустимости железного занавеса с Англией. Антисоветский смысл словосочетание получило после установления власти большевиков. Однако в Новейшую историю выражение *eiserner Vorhang* вошло как обозначение *информационного, политического и пограничного барьера между странами коммунистического и некоммунистического лагеря, возникшего после начала холодной войны*. В этом значении метафору *iron curtain* использовал Уинстон Черчилль в знаменитой Фултонской речи 5 марта 1946 года, ознаменовавшей начало холодной войны.

Von Stettin an der Ostsee bis Triest am Mittelmeer hat sich ein Eiserner Vorhang auf Europa herabgesenkt. Dahinter liegen all die Hauptstädte der alten Staaten Mittel- und Osteuropas... [Ibidem].

От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике был опущен «железный занавес». За этой линией располагаются все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы... [6].

Для Черчилля метафора *iron curtain* стала козырной картой, которая помогла ему достичь максимального прагматического эффекта. Известно, что изначально речь Черчилля называлась «Сухожилия мира» («The Sinews of Peace»), а параграф о «железном занавесе» не был включен в текст, заранее розданный стенографистам [Там же]. Этот экспромт возымел настолько сильное действие, что выражение «железный занавес», по сути, превратилось в квинтэссенцию всей речи. Образ работал на экспрессивность выступления.

Впоследствии выражение активно использовалось как в советской, так и антисоветской пропаганде и превратилось в политическое клише, утратив свои экспрессивные качества. После оно вошло в систему терминов, обозначающих понятия времен холодной войны: *der eiserne Vorhang* (*железный занавес*), *die Berliner Mauer* (*Берлинская стена*), *Gleichgewicht des Schreckens* (*ядерный паритет*) и т.д. Так, в словаре немецких устойчивых выражений *DUDEN Redewendungen* ФЕ *der eiserne Vorhang* имеет помету *hist. (историзм)*, что подчеркивает привязку к конкретному историческому периоду [14]. Отметим, что в отношении Германии *der eiserne Vorhang* означал границу между ФРГ и ГДР. В настоящее время эта ФЕ продолжает использоваться как клише в журналистике, публицистике и публичных выступлениях для обозначения политического и идеологического барьера. Так, цикл документальных фильмов о Северной Корее получил название «Verbotene Bilder aus Nordkorea – Hinter dem letzten eisernen Vorhang» («Запретные сюжеты из Северной Кореи. За последним железным занавесом») [18]. И хотя образ, лежащий в основе ФЕ, по-прежнему считывается, он уже не обладает экспрессивным потенциалом.

Помимо метафоры распространенным способом создания терминов со связанной семантикой является сужение объема понятия, закрепление референции за единичным денотатом. Примерами могут служить физические термины *schwache / starke Wechselwirkung* (*слабое / сильное взаимодействие*), термины астрономии и космологии *dunkle Materie* (*темная материя*), *schwarzes Loch* (*черная дыра*) и т.д.

Итак, приведенные выше примеры доказывают существование ФЕ, осуществляющих терминологическую номинацию и не имеющих эмоционально-экспрессивных характеристик. Таким образом, ФЕ-термины можно включить в типологию неэмотивных фразеологизмов.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. 498 с.
2. Ахметсагирова Л. И. Проблема экспрессивности как лингвистической категории (на материале фразеологизмов военного происхождения) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 1. С. 20-23.
3. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
4. Василенко А. П. Оценочно-эмотивное содержание русских и французских фразеологизмов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 1. Ч. 1. С. 63-65.
5. Волкова Н. Н. Русская эмотивная фразеология в языке и тексте: дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 221 с.

6. Злобин Н. В. «Железный занавес» и «сухожилия мира» // Дилетант. 2013. № 2. С. 6-9.
7. Капанадзе Л. А. Голоса и смыслы. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2005. 334 с.
8. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс, 1996. 381 с.
9. Лейчик В. М. Термины-фразеологизмы в ряду номинативных словосочетаний терминологического характера // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. М., 2002. № 12. С. 33-37.
10. Сергеев В. М. О методике выделения термина // Термин и слово: межвуз. сб. Горький, 1982. С. 46-53.
11. Синельникова И. И. Семантические интенсификаторы эмоциональных состояний во французской эмотивной фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. № 2. С. 116-118.
12. Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка. М.: Академия, 2003. 256 с.
13. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Либроком, 2009. 208 с.
14. DUDEN Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag, 1998. 959 S.
15. Eiserner Vorhang // Wikipedia – Die freie Enzyklopädie [Электронный ресурс]. URL: http://de.wikipedia.org/wiki/Eiserner_Vorhang (дата обращения: 08.06.2013).
16. Meyers Lexikon Informatik. Mannheim: Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG, 1997.
17. Meyers Lexikon Politik und Gesellschaft. Mannheim: Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG, 1997.
18. Verbotene Bilder Aus Nordkorea – Hinter Dem Letzten Eisernen Vorhang (ZDF Doku) [Электронный ресурс] // Dokumonster. URL: <http://dokumonster.de/sehen/7799> (дата обращения: 08.06.2013).

TO PROBLEM OF PHRASEOLOGICAL UNITS NON-EMOTIVENESS (BY THE EXAMPLE OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF TERMINOLOGICAL NOMINATION IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE)

Katamadze Mariya Olegovna
Moscow Pedagogical State University
m.katamadze18@gmail.com

The author by the material of the modern German language raises the problem of phraseological units non-emotiveness, contrasts non-emotive phraseological units to phraseological units with emotional-expressive characteristics, refers the phraseological units of terminological nomination to non-emotive phraseological units, defines the notion “non-emotive” phraseological unit, and shows that the terms with associated semantics form one of the groups of non-emotive phraseological units.

Key words and phrases: emotiveness; phraseological unit; non-emotive phraseological unit; term; phraseological unit-term.

УДК 372.881.1

Педагогические науки

Статья посвящена проблеме обучения грамматической стороне межкультурного общения с точки зрения компетентностного подхода к иноязычному образованию. В ней рассматриваются особенности практической цели обучения иностранному языку в её прагматическом, когнитивном, развивающем и педагогическом аспектах. Статья раскрывает содержание понятия «грамматическая компетенция» с позиции межкультурного подхода к обучению, а также определяет её роль применительно к подготовке будущих международных.

Ключевые слова и фразы: межкультурный подход; грамматическая сторона иноязычной речи; грамматическая компетенция; цели обучения; студент-международник.

Кашенкова Ирина Соломоновна

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ
ikashenkova@yandex.ru

РОЛЬ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЦЕЛЕЙ ОБУЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТОРОНЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ СПЕЦИАЛИСТОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ[©]

В основе новых государственных стандартов высшего профессионального образования, а также создаваемых на их базе образовательных программ бакалавриата и магистратуры лежит компетентностный подход к моделированию результатов обучения. Под результатами понимаются «наборы компетенций, включающие знания, понимание и навыки обучаемого, которые определяются как для каждого модуля программы, так и для программы в целом» [6, р. 59]. Вузы, осуществляющие подготовку дипломированных специалистов по направлению «Международные отношения», должны, таким образом, переосмыслить цель обучения межкультурному общению с точки зрения современных лингвообразовательных доминант, которая заключается в формировании межкультурной коммуникативной компетенции студентов-международников. Лишь овладев всеми составляющими межкультурной коммуникативной компетенции, специалист данного профиля сможет стать полноправным участником профессионального межкультурного общения, которое является существенной составляющей межличностного речевого поведения.

[©] Кашенкова И. С., 2013